

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

Модернизация в окружении:
случай Финляндии.

Часть I: первая половина
XIX в.

Препринт М-69/19

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2019

УДК 330.34
ББК 65.9(4Фин)
Л 22

Л 22

Ланко Д. А.

Модернизация в окружении: случай Финляндии. Часть I: первая половина XIX в. / Дмитрий Ланко: Препринт М-69/19. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 40 с. — (Серия препринтов; М-69/19; Центр исследований модернизации).

В докладе вводится понятие «модернизация в окружении», под которым понимается методологический прием, предлагающий исследовать модернизацию в конкретной стране с учетом процессов, проходящих параллельно в других странах, оказывающих существенное влияние на особенности трансформации политических и экономических институтов в данной стране. Трансформация политических и экономических институтов в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в. рассматривается в докладе с учетом процессов, происходивших в Швеции и в России — двух странах, которые оказывали решающее влияние на характер финляндской модернизации в этот период. Особое внимание в докладе уделяется проблеме выбора между шведским и российским «просвещенными абсолютизмами», сделанного в начале XIX в. финляндскими помещиками. Среди событий первой половины XIX в., последовавших за появлением в Российской империи Великого княжества Финляндского, особое внимание в докладе уделяется тем, которые способствовали формированию национальной финляндской интеллигенции и финского национального самосознания, поскольку без него представляется невозможным осуществить модернизацию Финляндии, находящейся в окружении России и Швеции.

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Теоретики модернизации часто разделяют первичную и догоняющую модернизацию. Одной из первых работ, в которых было использовано понятие «догоняющей модернизации», считается фундаментальный труд Лернера о модернизации на Ближнем Востоке [Lerner 1958]. В качестве наиболее яркого примера первичной модернизации часто используется пример Великобритании, в то время как на большей части Ближнего Востока, перешедшего по итогам Первой мировой войны из владения Османской империи под протекторат Великобритании, в первой половине XX в. происходила догоняющая модернизация под сильным влиянием британского опыта. Финляндскую модернизацию также можно отнести к примерам догоняющей модернизации: хотя Финляндия никогда не находилась под властью либо протекторатом Британской империи, британский опыт сыграл определенную роль и в модернизации Финляндии.

В качестве примера ниже будет рассказываться об опыте службы в британском военно-морском флоте финляндского (в годы шведского владычества) вице-адмирала Карла Улофа Крунстедта, сыгравшего спорную роль в годы русско-шведской войны 1808–1809 гг., по итогам которой было образовано Великое княжество Финляндское, а также о строительстве шотландским промышленником Джеймсом Финлейсоном в 1823 г. первой в Финляндии ткацкой мануфактуры по английскому образцу в Таммерфорсе. Вместе с тем случай Финляндии нельзя назвать классическим случаем догоняющей модернизации, поскольку в первой половине XIX в. страна развивалась не только благодаря своим историческим связям со Швецией, под властью которой она находилась до 1809 г., и не только благодаря своему переходу под власть Российской империи впоследствии, хотя роль российского владычества в развитии страны в финляндской историографии подчас получает положительную оценку, но и вопреки влиянию Швеции и России, самостоятельно.

Помимо разделения первичной и догоняющей модернизации, автору данного доклада представляется важным отделение модернизации,

проходившей в изоляции, от модернизации, проходившей в условиях зависимости ситуации в данной стране от действий соседей. Дмитрий Травин, рассказывая об опыте британской модернизации, неоднократно упоминает, что огромную роль в том, что модернизация в Великобритании протекала так, как это случилось, сыграло островное положение Великобритании [Травин 2018, с. 54]. Например, благодаря этому Великобритания не должна была иметь сильную сухопутную армию, а следовательно, британские реформаторы могли не опасаться, что в случае, если проводимые реформы вызовут недовольство армии, последняя совершит государственный переворот. Мало других стран Европы могут похвастаться столь удачным географическим положением. Например, как будет продемонстрировано ниже на примере Финляндии, входившей в состав Швеции, финляндские помещики, являвшиеся одновременно офицерами шведской сухопутной армии, воевавшей против России на территории Финляндии в XVIII в., сыграли важную роль не только в развитии собственно Финляндии, но и оказали существенное влияние на ход модернизации в самой Швеции.

Положение Финляндии между Швецией и Россией сыграло огромную роль в том, что модернизация в этой стране в первой половине XIX в. протекала так, как это будет показано в данном докладе. Значительное место в докладе будет уделено связям отдельных представителей финляндской аристократии, офицерства и интеллигенции со Швецией, причем как до перехода Финляндии под власть российской короны, так и после, поскольку связи со Стокгольмом не были оборваны и после 1809 г. Также значительное место в докладе будет уделено их связям с Россией, начиная со службы контр-адмирала Арвида Адольфа (Адольфа Карловича) Этолена губернатором русской Аляски в 1840-х гг. и заканчивая связями, пусть и непрямыми, пиетистского движения в Финляндии, популярного в первой половине XIX в., и русской штунды. При этом о связях Финляндии и Швеции, Финляндии и России в первой половине XIX в. здесь будет рассказано путем изложения персональных историй тех представителей финляндской аристократии, офицерства, духовенства, буржуазии, интеллигенции и крестьянства, из чьей деятельности и складывались эти связи.

Представляется, что изложение истории финляндской модернизации в эпоху царствования Александра I и Николая I путем пересказа личных историй тех людей, которые сделали весомый, хотя подчас и противоречивый, вклад в финляндскую модернизацию указанного периода, является одним из немногих способов избежать разделения финляндской

элиты того времени на «пророссийских» и «прошведских» деятелей. Ведь вне зависимости от того, что время от времени эти люди высказывали пророссийские или антироссийские взгляды (а опыт Йохана Вильгельма Снелльмана показывает, что один и тот же финн может выступать иногда с антироссийских, а иногда с пророссийских позиций), их взгляды всегда оставались в первую очередь «профинскими». Именно в этот период в Финляндии происходило формирование нации, благодаря которому каждый финн, даже состоя на российской или шведской службе (или на службе любой другой державы), научился отделять дела, которые он делает «для России» (или для того государства, на службе которого он находится), от дел, которые он делает «для Финляндии».

Важнейшим фактором модернизации Финляндии в первой половине XIX в. стало то, что люди, речь о которых пойдет в данном докладе, смогли научиться совмещать свершения, делаемые «для России» (или другой державы) и «для Финляндии». Любопытно, что случаев, когда совмещать не получилось, автор данного доклада не обнаруживает. Другое дело, что то, что нужно делать «для Финляндии», каждый из персонажей данного доклада понимал по-своему. И рассказ об их делах через призму их биографий представляется почти единственной возможностью рассказать о модернизации Финляндии в первой половине XIX в. без деления основных действующих лиц на «пророссийских» и «антироссийских», «реформаторов» и «консерваторов», «героев» и «предателей» и т. д. Именно поэтому в данном докладе приводится так много деталей биографий основных действующих лиц, которые в ином историческом труде выглядели бы неуместно.

История Великого княжества Финляндского хорошо изучена как в собственно финской, так и в российской историографии. В российской историографии существует традиция: описывая события, происходившие на территории нынешней Финляндии в XIX в., использовать шведские географические названия. В данном докладе эта традиция была сохранена, благодаря чему на страницах доклада упоминаются Або и Гельсинфорс вместо Турку и Хельсинки, Борго и Бьёрнеборг вместо Порвоо и Пори, Таммерфорс и Фридрихсгам вместо Тампере и Хамина, Ништадт и Нейшлот вместо Усуикаупунки и Савонлинна, река Кюмень вместо Кюминйоки. Хочется надеяться, что использование шведских топонимов вместо более привычных для петербургского читателя финских не только не помешает чтению доклада, но и поможет читателям окунуться в атмосферу, в которой проходила финляндская модернизация первой половины XIX в.

Между шведским и русским «просвещенными абсолютизмами»

Возникновению Великого княжества Финляндского в составе Российской империи предшествовал более чем столетний период русско-шведских войн, ведшихся главным образом на финляндской территории и перемежавшихся короткими периодами мира. История этих войн подробнейшим образом изложена в вышедшей в 1889 г. двухтомной монографии Кесаря Филипповича Ордина [Ордин 1889], поэтому здесь внимание будет уделено не объективному ходу событий, занявших более столетия, но субъективным представлениям финляндских помещиков, многие из которых в первом десятилетии XIX в. состояли на шведской военной, дипломатической либо государственной службе, однако одобрили переход Финляндии под власть российской короны и активно включились в работу по созданию органов управления Великого княжества Финляндского, благодаря чему эти органы управления оказались именно такими, какими они оставались на протяжении большей части XIX в.

Представляется, что выбранная конфигурация органов управления Великого княжества Финляндского оказалась наилучшей из возможных в исторических условиях начала XIX в. Эта конфигурация органов управления сыграла значимую роль в модернизации Финляндии, проходившей как в первой половине XIX в., до начала реформ Александра II, так и впоследствии, что станет предметом отдельного исследования. И сформировалась она в значительной степени под влиянием переосмысления финляндскими помещиками на рубеже XVIII–XIX вв. истории финляндских земель в составе Шведского королевства, начиная с Северной войны 1700–1721 гг. В ходе той войны русские войска оккупировали всю территорию современной Финляндии, однако по Ништадтскому мирному договору Россия получала лишь Ингерманландию и Карелию, то есть те территории, которые и сегодня находятся в границах Российской Федерации (а также территории в Прибалтике), причем за эти земли по условиям договора Россия должна была заплатить Швеции выкуп в два миллиона талеров.

Период 1713–1721 гг., когда большая часть современной Финляндии была оккупирована русскими войсками, вошел в финскую историографию под названием времени «большой ненависти», поскольку в это время убийства и грабежи мирного населения были обычной практикой. После Ништадтского мира в Швеции началась так называемая «эра сво-

бод», когда власть короля была существенно ограничена решениями риксдага. В самом риксдаге сформировались две политические партии: партия «шляп» и партия «колпаков», — первых можно условно охарактеризовать в современных терминах как «консерваторов-государственников», вторых — как «либералов-реформистов». Новая русско-шведская война 1741–1743 гг. началась именно по инициативе партии «шляп», которые жаждали реванша за поражение в Северной войне; из-за этого в историографию та война вошла как «война шляп». Выступление шведской армии от Выборга спровоцировало подготовку ответного выступления русской армии от Санкт-Петербурга, что стало одним из факторов, ускоривших начало дворцового переворота в Санкт-Петербурге, приведшего к власти императрицу Елизавету Петровну.

В 1742 г. Елизавета Петровна обратилась к финляндским помещикам с предложением о создании независимого Финляндского государства, если те согласятся обратить оружие против Швеции [Lavery 2006, p. 45]. Герцог Карл Петер Гольштейн-Готторпский (будущий император Петр III) был провозглашен королем Финляндии, однако финляндские помещики отказались выступить против Швеции, и территория Финляндии вновь была оккупирована русскими войсками. Период оккупации в 1742–1743 гг. вошел в финскую историографию под названием времени «малой ненависти», по аналогии с «большой ненавистью» 1713–1721 гг. В 1743 г. был подписан Абоский мирный договор, по которому Россия получала территорию Финляндии к востоку от реки Кюмень, включая крепость Нейшлот. Территория к западу от реки Кюмень вновь была оставлена русскими войсками. С одной стороны, в годы Северной войны и «войны шляп» население Финляндии сильно пострадало от действий русской армии; поместья многих офицеров, воевавших на стороне Швеции, которые одновременно являлись финляндскими помещиками, были разорены.

С другой стороны, в представлениях финляндских помещиков ответственность за периоды «большой» и «малой ненависти» была поделена между российской и шведской коронами. На Швецию была возложена вина за то, что она, неизменно собирая налоги и устанавливая ограничения на торговлю в Финляндии, оказалась не в состоянии выделить достаточные ресурсы для защиты Финляндии от русского вторжения, даже несмотря на то, что костяк сухопутной армии составили офицеры из числа финляндских помещиков, которые храбро сражались во славу шведской короны. К тому же финляндские помещики не забыли предложения Елизаветы Петровны о создании независимого от Стокгольма финлянд-

ского государства, пусть даже это предложение и не было принято в 1742 г. Среди финляндских помещиков, многие из которых были одновременно офицерами шведской армии, крепла уверенность в том, что Российская империя является такой же «нормальной» европейской державой, каковой является и Шведское королевство.

В 1751 г., когда умер шведской король Фредрик I, часть шведской элиты отправилась с миссией в Санкт-Петербург, дабы предложить все тому же наследнику российского престола, будущему императору Петру III шведскую корону. Правда, выяснилось, что Петр накануне провозглашения его наследником российского престола за десять лет до этого перешел из лютеранства в православие, из-за чего приглашение ему так и не было передано, а новым шведским королем стал Адольф Фредрик, родной дядя будущей российской императрицы Екатерины II. В условиях, когда шведский и российский монархи зачастую были близкими родственниками, для финляндских помещиков оказалось легко поверить в то, что между шведским и российским владычеством над Финляндией нет принципиальной разницы. В XVIII в. на государственную, дипломатическую и военную службу Российской империи активно привлекались иностранцы, и бывшие подданные шведского короля не могли не оказаться среди них.

Одним из финляндских помещиков, находившихся на службе шведского короля, но перешедших на службу к российскому императору еще до очередной русско-шведской войны, которая состоялась в 1788–1790 гг., был Георг Магнус Спренгтпортен. После смерти в 1771 г. короля Адольфа Фредрика королем стал его сын под именем Густава III. Не желая мириться с тем, что значительная власть находилась в руках риксдага, Густав в 1772 г. совершил своеобразный государственный переворот, результатом которого стало существенное ограничение власти риксдага, завершение «эры свобод» и начало короткой эпохи «просвещенного абсолютизма» в Швеции. Спренгтпортен активно участвовал в подготовке государственного переворота, однако привилегии при дворе, данные ему в награду за поддержку монарха, не соответствовали его ожиданиям. Он получил под свое командование Саволакскую бригаду шведской армии, дислоцированную вблизи определенной Абоским мирным договором границы с Россией, которую реформировал в соответствии с новейшими на тот момент достижениями военной науки.

Однако в 1778 г. Спренгтпортен не был приглашен на сессию риксдага, из-за чего принял решение оставить с позволения короля командование бригадой и отправиться в заграничное путешествие. За четыре

года он посетил Российскую империю, включая как Санкт-Петербург, так и Польшу, Пруссию, а также Францию. Из Франции он намеревался отправиться в Северную Америку для участия в войне за независимость США на стороне североамериканских колоний Великобритании, подобно многим шведам, принявшим участие в американской войне за независимость [Carlsson 1988, p. 27]. Однако он не нашел для этого достаточных средств, и ему пришлось вернуться в свое финляндское имение. В 1785 г. он вновь выехал за границу, на этот раз в Голландию, где планировал принять участие в готовящейся войне против Австро-Венгрии. Находясь в Голландии, Спренгтпортен написал письмо российскому послу, в котором изложил план достижения независимости Финляндии при содействии России. Как представляется, искать содействия России его заставил не только опыт пребывания в этой стране, но и содействие, оказанное российской короной североамериканским штатам, которым Спренгтпортен симпатизировал, в их борьбе за независимость.

В 1786 г. он вернулся в Стокгольм, где вновь вступил в переписку с российским послом. Через посла Спренгтпортену было передано предложение перейти на службу к российскому императору, и это предложение было им принято. Выбирая между шведским «просвещенным абсолютизмом» Густава III и российским «просвещенным абсолютизмом» Екатерины II, он выбрал последнее. И в русско-шведской войне 1788–1790 гг. Спренгтпортен участвовал уже на стороне России, за что в Швеции он был заочно приговорен к смертной казни. Когда группа шведских офицеров, являвшихся одновременно финляндскими помещиками и воевавших на стороне Швеции, направила Екатерине II письмо, в котором заявлялось об отказе воевать против России, Спренгтпортен активно поддержал их. Это письмо в финской историографии получило название «ноты Лийккала» [Kirby 2006, p. 69] по названию русского военного лагеря, построенного после «войны шляп» и занятого летом 1788 г. шведскими войсками, располагавшегося на территории современного города Коувола.

В письме эта группа офицеров называла решение шведских властей начать войну с Россией «незаконным» и выражала надежду на восставление добрососедских отношений между Россией и Швецией. Одновременно офицеры направили письмо Густаву III, в котором потребовали от него прекратить войну с Россией и восстановить политический режим, основывающийся на балансе сил между королем и риксдагом, существовавший в Швеции до переворота 1772 г. Требования офицеров нарушили планы Густава III, однако не заставили его ни прекратить

войну, ни отказаться от абсолютистского правления. Напротив, в 1789 г. он провел через риксдаг конституционную реформу, еще более укрепившую власть короля. Некоторые офицеры, подписавшие «ноту Лийккала», бежали в Россию, другие были арестованы. В частности, финляндский помещик Карл Густав Армфельт был приговорен к смертной казни, которая, впрочем, была заменена на пожизненное заключение; он умер в крепости Мальмё в 1792 г.

Представляется, что в данном случае смертная казнь была заменена на пожизненное заключение не только благодаря тому, что абсолютизм Густава III носил «просвещенный» характер, но и потому, что племянник подсудимого Густав Мориц Армфельт был одним из фаворитов шведского короля. В 1788 г. он участвовал в военных действиях против России, но не присоединился к группе офицеров, подписавших «ноту Лийккала», в 1789 г. занимался организацией сессии риксдага, расширившей полномочия короля, а в 1790 г. вновь участвовал в войне против России, одержал ряд военных побед, а также возглавил шведскую делегацию на переговорах с Россией по вопросу о заключении Верельского мирного договора, завершившего русско-шведскую войну 1788–1790 гг. Однако после убийства Густава III в 1792 г. Густав Мориц Армфельт был удален от двора и назначен шведским посланником в Неаполе, откуда он начал писать письма все той же Екатерине II с просьбами о военном вмешательстве во внутренние дела Швеции с целью вернуть власть сторонникам Густава III, а также руководить группой оппозиционных дворян в самой Швеции, которые составили так называемый «заговор Армфельта» [Ramel 2005].

Когда о заговоре узнали в Стокгольме, был отдан приказ о его аресте, ему пришлось бежать в Россию, где он не был принят на государственную службу и жил частным образом в Калуге. После достижения королем Густавом IV Адольфом совершеннолетия приказ об аресте Густава Морица Армфельта был отменен, благодаря чему он получил возможность переехать в Германию, а в 1800 г. ему было возвращено дворянское звание и предоставлена возможность вернуться на государственную службу Швеции. Однако после избрания наполеоновского маршала Жан-Батиста Бернадота шведским кронпринцем (в 1818 г. Бернадот официально стал шведским королем под именем Карла XIV Юхана) он принял российское подданство, переехал в свое поместье в Финляндии, а в 1811 г. стал первым председателем созданной при российском дворе Комиссии финляндских дел. Именно благодаря его деятельности на этом посту в состав Великого княжества Финляндского были переда-

ны земли к востоку от реки Кюмень, вошедшие в состав Российской империи в соответствии с Ништадтским мирным договором 1721 г., заключенным по итогам Северной войны, и Абоским мирным договором 1743 г., заключенным по итогам «войны шляп». В 1812–1813 гг. Густав Мориц Армфельт исполнял обязанности финляндского генерал-губернатора.

Таким образом, переход Финляндии под власть российского абсолютизма приветствовали финляндские помещики, являвшиеся как сторонниками «просвещенного абсолютизма» Густава III, такие как Густав Мориц Армфельт, так и его противники из числа бывших шведских офицеров, подписавших «ноту Лийккала». В данном контексте до сих пор между историками ведутся споры по поводу действий вице-адмирала Карла Улофа Крунстедта, который, с одной стороны, не подписал в 1788 г. «ноту Лийккала», но, с другой стороны, в годы русско-шведской войны 1808–1809 гг. повел себя так, как будто он всецело разделял те идеи, которыми руководствовались шведские офицеры (финляндские помещики), подписавшие ноту. Весной 1808 г., то есть задолго до завершения войны, Карл Улоф Крунстедт сдал русским войскам крепость Свеаборг, построенную в заливе Гельсинфорса после окончания «войны шляп» 1741–1743 гг., комендантом которой он являлся, и считавшуюся настолько неприступной, что в ее отношении использовалась метафора «северный Гибралтар».

Любопытно, что в 1770-е гг., когда многие шведские офицеры, включая Спренгтпортена, сочувствовали борьбе североамериканских колоний Великобритании за свою независимость не только на словах, но и на деле, отправляясь добровольцами в зону конфликта, Крунстедт с несколькими другими шведскими военно-морскими офицерами тоже отправился в зону конфликта, но принял участие в военных действиях не на стороне американских штатов, а поступил в военно-морской флот Великобритании [Odelberg, Olsson & Varg 1956]. За время службы в военно-морском флоте Великобритании в 1776–1779 гг. он приобрел бесценный опыт, поскольку именно британский флот являлся наиболее современным и сильным флотом того времени. Этот опыт он смог полноценно использовать в годы русско-шведской войны 1788–1790 гг. Будучи флотским офицером, Крунстедт не принимал участие в сухопутной кампании 1788 г., летом того года он не был в Лийккала вместе с офицерами, подписавшими ноту, и если у него и было какое-то мнение по поводу подписания ноты, то впоследствии историки не смогли найти письменных свидетельств того, как именно он воспринял это событие.

К театру военных действий в Финском заливе Крунстедт прибыл в качестве командующего галерной флотилией лишь в 1790 г., и именно благодаря ему была достигнута решающая морская победа над русским флотом в Шведском проливе, сыгравшая важную роль в определении положений заключенного впоследствии мирного договора. Густав III не мог не отметить блестящего военно-морского офицера, однако после убийства короля в 1792 г. карьера Крунстедта не получила дальнейшего развития, и он так и остался командующим галерной флотилией, размещенной в Свеаборге, а также комендантом крепости и командующим гарнизоном. Эта должность не соответствовала ни послужному списку Крунстедта, ни его амбициям, что могло стать одной из причин, заставивших его пойти на предательство если не своей страны, то своего короля [Åkerström 1991, p. 133]. Он заключил с командующим занявшими Гельсинфорс русскими войсками графом Петром Корниловичем (Яном Петером ван) Сухтеленом соглашение о сдаче крепости и выполнил его целиком и полностью.

Если Крунстедт, возможно, совершил вышеописанные действия из-за невозможности найти применение своим таланту и опыту и реализовать свои амбиции в Швеции в условиях кризиса, постигшего страну в конце XVIII в. после ряда неудачных войн с Россией, то Сухтелен перешел на службу российской короне из-за невозможности найти применение своему таланту и реализовать свои амбиции в родных Нидерландах в условиях аналогичного кризиса, постигшего страну примерно в тот же период после ряда неудачных войн с Великобританией. Он поступил на российскую военную службу еще при Екатерине II, блестяще проявил себя в период Наполеоновских войн, включая войну со Швецией 1808–1809 гг., а позднее нашел свое призвание на дипломатическом поприще. В 1809 г. Сухтелен участвовал в заключении Фридрихсгамского мира между Россией и Швецией, после чего был направлен Александром I «по особому поручению» в Стокгольм. Его миссия представлялась крайне сложной в условиях, когда многие шведские дворяне видели в нем в первую очередь военачальника, благодаря которому Швеция только что проиграла войну [Сапожников 2000].

Однако после избрания Бернадота шведским кронпринцем Сухтелен, у которого сложились личные дружеские отношения с этим наполеоновским маршалом еще со времен участия России в континентальной блокаде Великобритании по условиям Тильзитского мирного договора, приобрел при шведском дворе колоссальное влияние. В 1812 г. он принял участие в подписании Эребруских мирных договоров между Великобри-

танией, Швецией и Россией, заложивших основу для формирования очередной коалиции европейских держав против Наполеона, а в 1814 г. — Кильских мирных договоров, по условиям которых Норвегия переходила от Дании к Швеции. Также в 1812 г. Сухтелен был возведен в баронское достоинство Великого княжества Финляндского, а в 1822 г. — в графское достоинство. Так нидерландский дворянин превратился в финляндского, хоть он никогда и не жил сколь-нибудь продолжительный период времени в Финляндии. После окончания Наполеоновских войн в 1815 г. Сухтелен вернулся к исполнению обязанностей российского посла в Стокгольме, где он и умер в 1836 г.

Спренгтпортен, воевавший на стороне России против Швеции в войне 1788–1790 гг., не участвовал в войне 1808–1809 гг. в качестве военачальника. Вместо этого он был назначен советником при Федоре Федоровиче (Фридрихе Вильгельме) фон Буксгевдене, командующем русской армией в первый год войны. Буксгевден, происходивший из остзейских немцев, в 1803–1806 гг. (а также в течение года после окончания войны со Швецией) был рижским генерал-губернатором, и его взгляды на послевоенное устройство Финляндии находились под сильным влиянием системы государственного управления в Прибалтийских губерниях Российской империи. Спренгтпортен, в свою очередь, не видел иного будущего для Финляндии, кроме как самостоятельного государства, пусть и в составе Российской империи. Именно он предложил Александру I план пообещать финляндским помещикам и духовенству созвать после окончания войны сейм, сформированный по аналогии со шведским риксдагом, но из представителей Финляндии.

План был принят императором, однако созвать сейм в 1808 г. в Або не удалось формально из-за того, что обстановка на фронте оставалась нестабильной и можно было ожидать наступления шведской армии. В итоге сейм собрался лишь весной 1809 г. в Борго, и в нем приняли участие далеко не все представители аристократических родов Финляндии. Одновременно с проведением Боргоского сейма в Стокгольме была проведена сессия риксдага, и часть финляндских аристократических родов направила своих представителей в Стокгольм, а наиболее предусмотрительные семьи направили своих представителей и в Стокгольм, и в Борго. Вместе с тем на Боргоском сейме собрались представители большинства аристократических родов финляндских помещиков; они принесли присягу на верность Александру I, лично принявшему участие в работе сейма, а император дал обещание уважать законы Финляндии, действовавшие в период шведского владычества, хотя и не уточнил,

какие из законов продолжают действовать, а какие будут отменены, что в будущем дало генерал-губернаторам существенное пространство для маневров.

В это же время в Швеции произошел дворцовый переворот, король Густав IV Адольф был арестован, а новое правительство поспешило заключить мирный договор с Россией. По условиям мирного договора, подписанного в Фридрихсгаме, Швеция передавала России шесть финляндских губерний, Аландские острова, а также некоторые территории в Лапландии, не входившие ни в одну из губерний. Однако никаких гарантий прав подданных в текст Фридрихсгамского мира включено не было, поскольку все возможные обещания прав российским императором уже были даны на Боргоском сейме и от их повторного декларирования в договоре со Швецией Россия отказалась. А Швеция в условиях внутриполитической нестабильности была не в том состоянии, чтобы настаивать.

Таким образом, ни в обещаниях Боргоского сейма, ни в тексте Фридрихсгамского договора не содержалось гарантий финляндской автономии, которые могли бы позволить Великому княжеству Финляндскому в первой половине XIX в. развиваться быстрее, чем другие территории Российской империи, включая Прибалтийские провинции и Польшу. Как пишет российский историк Баландин, «после окончания заседаний Боргоского сейма будущее Финляндии представлялось современникам событий весьма туманным» [Баландин 2012, с. 27]. Институты, гарантировавшие финляндскую автономию, сформировались уже после 1809 г., причем по большей части случайно. Так, по распоряжению императора для управления Великим княжеством Финляндским был учрежден пост финляндского генерал-губернатора. Первым генерал-губернатором, еще до подписания Фридрихсгамского мира, был назначен Спренгтпортен. В качестве собственной канцелярии он учредил правительственный совет, который занимался всеми текущими вопросами управления Великим княжеством Финляндским, в то время как генерал-губернатор, помимо своих обязанностей в Финляндии, исполнял также множественные обязанности при российском дворе и проводил больше времени в Санкт-Петербурге, нежели в Або, где первоначально разместился совет.

Рабочим языком совета был принят шведский. Однако Спренгтпортен пробыл в должности финляндского генерал-губернатора лишь год, после чего генерал-губернатором был назначен Михаил Богданович (Михаэль Андреас) Барклай де Толли, который тоже пробыл в должности финляндского генерал-губернатора чуть дольше года. Назначенный

после него Фаддей Федорович (Фабриан Готгард) фон Штейнгель шведским языком не владел, благодаря чему совет (позднее переименованный в сенат для подчеркивания того факта, что финляндский сенат не подчиняется приказам российского сената, но напрямую императору) стал органом власти, независимым от генерал-губернатора. Параллельно на переходный период, в течение которого должно было проходить формирование Великого княжества Финляндского, отключение органов управления существовавших в период шведского владычества губерний от шведских органов власти и подключение их к единым органам управления Великого княжества Финляндского и одновременным подключением последних к российским имперским органам власти, была введена должность статс-секретаря по делам Финляндии, при котором была создана Комиссия финляндских дел.

Вначале обязанности статс-секретаря возлагались на государственного секретаря Российской империи Михаила Михайловича Сперанского, но последний, сославшись на свою занятость другими государственными делами, предложил передать должность статс-секретаря своему секретарю Роберту Ивановичу (Роберту Хенрику) Ребиндеру, происходившему из немецкого помещичьего рода, переселившегося в Финляндию еще во времена шведского владычества. Однако еще до назначения Ребиндера в помощь Сперанскому, не владевшему шведским языком и не знавшему финляндских реалий, была создана Комиссия финляндских дел, которую возглавил Густав Мориц Армфельт. Правда, комиссия просуществовала только до 1826 г., при этом должность статс-секретаря сохранилась и после официального роспуска комиссии. Таким образом, главой Великого княжества Финляндского формально являлся российский император, но реальной властью были наделены несколько независимых друг от друга органов власти.

Во-первых, была создана должность генерал-губернатора, однако финляндский генерал-губернатор, в отличие, например, от рижского генерал-губернатора, мог докладывать финляндские дела напрямую императору, что предоставляло лицу, занимающему эту должность, пространство для маневра.

Во-вторых, существовал финляндский сенат, который за 1810-е гг. смог пройти путь от канцелярии при генерал-губернаторе Спренгтпортене до самостоятельного органа власти, также имевшего возможность докладывать напрямую императору.

В-третьих, была должность статс-секретаря по делам Финляндии, который действовал независимо от генерал-губернатора. В отличие от

финляндского генерал-губернатора, вынужденного совмещать эту должность с иными должностями государственной службы в Российской империи (например, генерал-губернатор в 1823–1831 гг. Арсений Андреевич Закрецкий одновременно был Министром внутренних дел Российской империи), статс-секретарь в годы, когда эту должность занимал Ребиндер (1811–1841 гг.), имел возможность сосредоточиться исключительно на делах Финляндии.

В-четвертых, в 1809–1823 гг., то есть в критический для становления политической системы Великого княжества Финляндского период, действовала также Комиссия финляндских дел, одну из главнейших ролей в работе которой играл Густав Мориц Армфельт, чей сын Александр Густавович Армфельт занял должность статс-секретаря после смерти Ребиндера в 1841 г. и оставался на этой должности вплоть до 1876 г.

Наконец, в-пятых, на Боргоском сейме Александр I дал обещание финляндской элите, что впредь сейм будет созываться регулярно. Правда, Николай I ни разу не созывал сейм за все годы своего царствования, однако сама теоретическая возможность созыва сейма налагала существенные ограничения на действия и генерал-губернатора, и статс-секретаря. Таким образом, реально действовавшие в Финляндии в 1810–1850-х гг. органы управления сформировались по воле случая, а не на основании обещаний, данных на Боргоском сейме, или положений Фридрихсгамского мира. Однако в финляндскую историографию сложившаяся система органов управления вошла в качестве наследия Боргоского сейма и Фридрихсгамского мира [Юссиля, Хентилия & Невакиви 1998, с. 18].

Среди элиты новообразованного Великого княжества Финляндского решения Боргоского сейма и положения Фридрихсгамского мира были восприняты неоднозначно. Причем личный опыт взаимоотношений как со шведским, так и с российским государством в предшествующий период играл ключевую роль в формировании оценки этого исторического события каждым конкретным представителем элиты. В данном контексте показательным представляется сравнение биографий двух значимых финляндских деятелей первой половины XIX в.: Адольфа Ивара Арвидссона и Юхана Фридриха Аминоффа. Арвидссон, сын священника в Лаукаа, стал свидетелем Боргоского сейма в период своего ученичества в гимназии в Борго. После защиты диссертации и получения должности доцента Або академии, Арвидссон, помимо научной работы, включавшей как изучение финского фольклора, так и изучение документов по истории Финляндии в период шведского владычества, начал писать по-

лемические статьи, в которых выступал за развитие финского языка и гражданского сознания, вплоть до создания независимого как от России, так и от Швеции финляндского государства.

Опираясь на эти идеи, он основал и на протяжении более года издавал в Або газету «Або Моргонبلاد». За свои радикальные политические взгляды Арвидссон был уволен из Або академии. Его не спасла даже женитьба на Йоханне Каролине Армфельт, дочери одного из представителей рода Армфельт, к которому принадлежал уже упоминавшийся здесь Густав Мориц Армфельт. Оставшись без средств к существованию, Арвидссон в 1823 г. переехал в Швецию, где ему были предоставлены гражданские права и возможность работать в Королевской библиотеке, правда, лишь через два года, в 1825 г., поскольку его призывы к независимости Финляндии были одинаково неприемлемы как для российской, так и для шведской короны. В этих условиях неудивительно, что в своих последующих полемических статьях Арвидссон критически отзывался о положении Финляндии в составе Российской империи после Боргоского сейма.

Так, в 1838 г. некто Пекка Куохаринен опубликовал памфлет под названием «Финляндия и ее будущее», в которой выступил с резкой критикой ситуации в Финляндии после ее перехода под власть российской короны, причем финский историк Юннила утверждает, что под этим псевдонимом скрывался именно Арвидссон [Junnila 1979]. Следует отметить, что даже среди представителей финляндской элиты, перебравшихся по тем или иным причинам в Швецию после вхождения Финляндии в состав Российской империи, сам этот факт далеко не всегда воспринимался однозначно негативно. Ведь статья Куохаринена стала ответом на ранее в том же году опубликованную статью Израэля Вассера «О союзном трактате 1812 г. между Швецией и Россией», где положение Финляндии под властью России оценивалось как хорошее. При этом сам Вассер, который в 1838 г. был профессором медицины Упсальского университета в Швеции, ранее занимал аналогичный пост в Або академии в Финляндии.

В свою очередь, Юхан Фридрих Аминофф, шведский офицер и финляндский помещик, после убийства Густава III в 1792 г. был приговорен к смертной казни за участие в «заговоре Армфельта», однако смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Как и в случае Армфельта, впоследствии король Густав IV Адольф отменил приговор и вернул Аминоффа на шведскую военную службу, однако после перехода Финляндии под власть России последний принял российское поддан-

ство и стал членом Комиссии финляндских дел, во главе которой стоял Армфельт. В 1812 г. Александр I подтвердил его баронский титул, присвоенный ему еще в 1809 г. Густавом IV Адольфом, но не полученный им из-за его перехода в российское подданство. А в 1819 г. Александр I пожаловал его титулом графа Великого княжества Финляндского. В 1821 г. Аминофф был назначен вице-канцером Або академии, и именно под его давлением Арвидссон был уволен из Академии.

Появление в составе Российской империи Великого княжества Финляндского с широкими правами автономии, какими не обладали в Российской империи ни Польша, ни Прибалтийские губернии, способствовало формированию финляндской нации в первой половине XIX в. Основа этого процесса была заложена еще на рубеже XVIII–XIX вв., когда многие вышеназванные и еще больше не названные здесь бывшие представители шведской элиты, начиная со Спренгтпортена и заканчивая Аминоффом, перешли на службу Российской империи. Как было показано ранее, в основном этот переход был обусловлен деталями личных биографий, однако большинство из них, оправдывая в собственных глазах свой отказ служить шведскому королю и согласие служить российскому императору, рано или поздно приходили к выводу, что этот переход будет в большей степени способствовать развитию их родной земли — Финляндии, чья судьба в их представлениях выглядела неотделимой от их собственных судеб.

Модернизация Финляндии в 1810–1840-х гг.

Сложившаяся к 1811 г., когда статс-секретарем по делам Финляндии был назначен Ребиндер (за год до этого генерал-губернатором Финляндии был назначен Штейнгель), политическая система Великого княжества Финляндского оставалась практически неизменной вплоть до начала реформ Александра II. В отличие от периода вхождения Финляндии в состав Российской империи, когда генерал-губернаторы сменялись ежегодно, после 1811 г. смена генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском стала редким явлением. Штейнгель занимал должность генерал-губернатора вплоть до 1823 г. (кроме 1812–1813 гг., когда он участвовал в Отечественной войне против Наполеона, а его обязанности генерал-губернатора исполнял Густав Мориц Армфельт), сменивший его Арсений Андреевич Закревский занимал эту должность вплоть до 1831 г. Следующий генерал-губернатор, Александр Сергеевич Менши-

ков, оставался в этой должности до 1854 г., а на период генерал-губернаторства его преемника Федора Федоровича фон Берга пришлось уже начало реформ Александра II.

В свою очередь, Ребиндер занимал должность статс-секретаря по делам Финляндии вплоть до 1841 г., когда его сменил сын Армфельта Александр, остававшийся в этой должности вплоть до 1876 г. Время от времени сменявшие друг друга генерал-губернаторы и статс-секретари обеспечивали сохранение сложившейся в начале XIX в. политической системы не только на бумаге, но и на практике, умело сочетая в этой практике российские законы, которые выборочно действовали на территории Великого княжества Финляндского, старые шведские законы, которые опять-таки выборочно продолжали действовать в стране, а также собственные постановления, действовавшие в тех случаях, когда российские и шведские законы оказывались неприменимыми. Несмотря на то что при Николае I сейм в Великом княжестве Финляндском не собирался ни разу, существующая политическая система обеспечивала достаточно возможностей как для экономического, так и для культурного развития страны.

При этом модернизация Финляндии проходила в тесной связке с теми процессами, которые имели место, с одной стороны, в дальнем зарубежье, а с другой — в Российской империи. Ниже речь пойдет о том, что промышленник шотландского происхождения Джеймс Финлейсон, может быть, не приехал бы в Финляндию и не основал здесь первую ткацкую мануфактуру по английскому образцу, если бы не американская война за независимость, прошедшая за четверть века до этого. Также ниже будет говориться о связях нарождающейся финляндской интеллигенции со Швецией, с одной стороны, и с русской интеллигенцией эпохи «золотого века» русской литературы — с другой. А также о связях пиетистского движения в Финляндии с пиетистским движением в Швеции.

В свою очередь, в Российской империи многие финны получили возможность способствовать экономическому развитию всей империи и укреплению ее международного положения. В качестве примера здесь нельзя не назвать Адольфа Карловича (Арвида Адольфа) Этолена, занимавшего в 1840–1845 гг. должность губернатора Аляски. Должность эта досталась Этолену не случайно: выпускник Императорской военно-морской академии 1817 г., он сразу после окончания обучения поступил на службу в Русско-американскую компанию — по сути, государственное предприятие, созданное еще во времена царствования Павла I для организации торговли российских колоний в Северной Америке как с основ-

ной частью России, так и с жителями самого североамериканского континента, включая и коренные малочисленные народы. В 1818 г. Этолен впервые посетил Аляску и с тех пор занимался главным образом управлением судами Русско-американской компании в северной части Тихого океана, торговлей с коренными малочисленными народами Арктики, а также совместной работой с мореплавателем Фердинандом Петровичем Врангелем, с 1836 г. сотрудничавшим с Русско-американской компанией, а в 1840–1847 гг. бывшим ее директором [Vinkovetsky 2011, p. 108].

В отношении экономического развития в 1810–1840-е гг. удалось реализовать значительное число планов, сформулированных Финляндским экономическим обществом, созданным еще в последние годы шведского владычества, в 1797 г. Первоначально оно носило название Королевского финляндского общества домохозяев и было призвано выявить наиболее значимые проблемы, препятствовавшие экономическому развитию финляндских губерний Швеции, предложить меры по их преодолению и доложить эти меры королю для принятия окончательного решения. Среди основателей общества наиболее важную роль играли ученые Або академии, одним из идеологов создания общества стал известный финский ученый-химик Юхан Гадолин. 61-й химический элемент Периодической таблицы Менделеева назван его именем. Помимо ученых, среди основателей общества были также священники, офицеры, купцы, владельцы лесопилок, чиновники, юристы и даже несколько образованных крестьян. Согласно первоначальному уставу, общество создавалось для анализа и выработки методов преодоления экономических проблем Юго-Западной Финляндии с центром в Або, но на практике общество собирало сведения об экономических проблемах всей Финляндии, не ограничиваясь одной губернией.

Общество создало сеть корреспондентов во многих приходах страны. Как правило, в роли корреспондента выступал местный священник. С одной стороны, он регулярно писал обществу о проблемах своего прихода. С другой — распространял среди своих прихожан, особенно из числа крестьян, большинство из которых не владело грамотой, сведения о новейших достижениях в сельском хозяйстве, включая информацию о новых сельскохозяйственных культурах. В частности, благодаря стараниям общества широкое распространение в Финляндии получило выращивание льна [Laine 1943]. В качестве приоритетных направлений деятельности общества были названы борьба с оспой, распространение ремесленной деятельности среди крестьян. Обществом было создано несколько премий, которые регулярно вручались как священникам за их

просветительскую деятельность, так и крестьянам, решившимся на новаторство. По инициативе общества в 1806 г. в Або был создан Дисконтный департамент — первый прообраз коммерческого банка на территории Финляндии.

Многие инициативы общества, сформулированные еще в период шведского владычества, были реализованы лишь после перехода Финляндии под власть российской короны. Так, еще в 1802 г. Гадолин предложил создать в стране сеть ремесленных и мануфактурных школ, а также высшее техническое учебное заведение, однако реализация этого плана заняла почти тридцать лет. После вхождения Финляндии в состав Российской империи общество было переименовано в Императорское Финляндское экономическое общество, однако штаб-квартира общества осталась в Або даже и после провозглашения столицей Великого княжества Финляндского Гельсинфорса. В 1813 г. секретарем общества стал Карл Кристиан Бёккер, проработавший в этой должности двадцать лет. В 1820-е гг. общество достигло значительных успехов в сфере распространения по всей Финляндии таких сельскохозяйственных культур, как картофель и конопля.

По убеждению Бёккера, в основе деятельности общества лежал зарождающийся финляндский патриотизм. «С одной стороны, — писал он, — деятельность общества является продуктом патриотизма и в таком качестве служит термометром, позволяющим определять его градус, следует также ожидать взаимно, что деятельность общества будет способствовать росту патриотизма» [цит. по: Marjanen 2012, p. 331]. Если предположить, что интенсивность деятельности общества действительно являлась своеобразным термометром, позволявшим определить градус патриотизма в Финляндии, то можно сделать вывод, что градус патриотизма в стране значительно снизился к концу 1820-х гг. по сравнению с началом десятилетия. В самом деле, если в начале 1820-х гг. общество активно развивалось благодаря энтузиазму многих его членов, то к концу десятилетия общество продолжало действовать в основном благодаря личному энтузиазму самого Бёккера.

Влияние общества на развитие экономики Великого княжества в конце 1820-х гг. снизилось главным образом из-за переезда сената в Хельсинки в 1819 г., а также пожара в Або в 1827 г. Так, в 1814 г. сенат поручил Бёккеру составить статистическое описание Вазаской губернии. Прделанная работа получила высокую оценку, благодаря чему Бёккеру была предоставлена государственная поддержка при осуществлении гораздо более масштабного проекта — составления статистиче-

ского описания всего Великого княжества Финляндского. Работа началась в 1818 г. и продолжалась более десяти лет. В пожаре 1827 г. личный архив Бёккера, в котором хранились данные, собранные им для составления статистического описания, и который находился в личном доме Бёккера, сгорел вместе с домом, и работу пришлось начинать практически заново. А в 1831 г. личным приказом только что назначенного генерал-губернатора Меншикова были введены существенные ограничения по данным, которые Бёккер мог собирать для составления своего статистического отчета; в случае несоблюдения этих ограничений Бёккеру угрожали существенным сокращением жалования.

Не желая подчиниться приказу, Бёккер оставил должность секретаря Финляндского экономического общества и продолжал работу уже в качестве частного лица. После отставки Бёккера председателем общества был избран Ларс Габриэль фон Хартман, сын профессора медицины Або академии, за два года до этого назначенный губернатором Абоской и Бьёрнеборгской губернии. При поддержке губернатора работа общества вновь активизировалась, и в качестве важнейшей задачи общества было названо содействие реализации плана Гадолина по созданию в Финляндии системы учреждений среднего профессионального и высшего технического образования. В 1835 г. постановлением генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском учреждались ремесленные школы, в 1840 г. общество получило государственное финансирование на создание училища в Мустииала. В 1849 г. в Гельсинфорсе было открыто Техническое реальное училище, ныне — Технический институт Университета Аалто. Финляндское экономическое общество продолжило свою работу и во второй половине XIX в., и позднее, после провозглашения независимости Финляндии в 1917 г.

В свою очередь, фон Хартман в 1840 г. вошел в состав сената, где в 1841 г. получил должность заместителя председателя Экономического департамента. Одной из своих первоочередных задач на этом посту он считал развитие восточных регионов Финляндии; в частности, по его инициативе в 1844 г. началось строительство Сайменского канала, которое продолжалось и в годы Крымской войны в России, и открытие канала состоялось в год завершения войны — в 1856 г. [Palo & Lehto 2012, p. 105]. После открытия Сайменского канала Озерный край Финляндии получил возможность продавать лес и сельскохозяйственную продукцию водным путем через Выборг в Санкт-Петербург, благодаря чему в этом регионе сформировались условия для развития ремесленного и мануфактурного производства из-за появления налаженного канала

экспорта производимой продукции как в остальную часть Российской империи, так и в перспективе на экспорт.

Помимо инфраструктурных проектов, предложения Финляндского экономического общества легли в основу финансовой и таможенной политики, проводившейся на территории Великого княжества Финляндского. Подробно финансовая и таможенная политика Финляндии в первой половине XIX в. рассматривается в работе российского историка Суни [Суни 2013], его исследование позволяет сделать вывод, что она оказывалась более благоприятна для притока иностранных инвестиций в страну и в конечном счете для модернизации, чем была финансовая и таможенная политика, применявшаяся в отношении финляндских губерний в период шведского владычества. Помимо того что финансовая и таможенная политика Великого княжества Финляндского в целом отличалась большим либерализмом по сравнению с политикой эпохи шведского владычества, экономическому развитию страны способствовало и то, что на ее территории действовали некоторые программы развития, принятые для всей Российской империи.

Так, еще до присоединения Финляндии, в 1798 г. в Российской империи был учрежден Департамент мануфактур, обещание поддержки со стороны которого стало одним из важнейших факторов появления в Таммерфорсе в 1823 г. первой в Финляндии и во всей Российской империи ткацкой мануфактуры по английскому образцу, построенной шотландским промышленником Джеймсом Финлейсоном на средства займа, предоставленного ему финляндским сенатом. Вместе с тем представляется неверным рассматривать либерализацию финансового и таможенного законодательства в качестве единственного фактора, гарантирующего приток прямых иностранных инвестиций. Напротив, интересы экономического развития требуют, чтобы параллельно либерализации экономической сферы была проведена либерализация и в сферах, на первый взгляд не связанных с экономикой напрямую. Для Великого княжества Финляндского таким важным фактором стала свобода вероисповедания, обещанная Александром I на Боргоском сейме.

Следует отметить, что в начале XIX в. свобода вероисповедания понималась принципиально иначе, чем в начале XXI в. Во-первых, свобода вероисповедания не предусматривала возможность подданных Великого князя Финляндского вообще не принадлежать ни к одной религии. В условиях, когда на церковь, помимо собственно религиозных функций, возлагались функции в сфере образования, здравоохранения, записи актов гражданского состояния и т. д., каждый должен был принадлежать

к какой-нибудь церкви. Во-вторых, в Великом княжестве Финляндском, где на большей части страны были крайне сильны позиции лютеранской церкви, а на востоке — Русской православной церкви, свобода вероисповедания означала возможность мирного сосуществования лютеранских и православных приходов. Ереси же, так распространенные во всей Европе, включая и Российскую империю, в XVIII–XIX вв., подвергались преследованиям. Ниже будет говориться о тех преследованиях, которым подвергались в Великом княжестве Финляндском сторонники пиетистского движения, популярного как среди части элиты, так и среди крестьянства в первой половине XIX в.

Применительно к случаю мануфактуры Финлейсона, важным представляется тот факт, что Финлейсон принадлежал к квакерам, подвергавшимся в XVIII–XIX вв. преследованиям в его родной Шотландии, находившейся под властью британской короны [Selleck 1962]. Из-за этих преследований многие квакеры были вынуждены переехать из Великобритании в североамериканские колонии. Однако после провозглашения независимости США в Великобритании был введен запрет на переезд в США представителей отдельных профессий, в число которых попали и инженеры текстильных мануфактур — стратегически важной для Великобритании того времени отрасли экономики. Как следствие, Финлейсон не смог переехать в США и основать там мануфактуру, однако он получил разрешение от британских властей основать мануфактуру в Российской империи, что и было им сделано в 1823 г. Любопытно, что в 1836 г. Финлейсон продал мануфактуру новым собственникам и вернулся в Великобританию.

Экономическое развитие стимулировало и появление в Финляндии национальной интеллигенции. До начала XIX в. образованные люди в Финляндии могли реализоваться лишь в крайне ограниченном круге должностей. Главным образом это были должности священников, но также врачей и учителей, чиновников и юристов, ученых при университете или частных библиотеках. В Финляндии отсутствовали инженеры, и первых инженеров из числа квакеров Финлейсону приходилось завозить из Шотландии, предварительно заручившись обещанием императора, что всем сотрудникам его мануфактуры будет гарантирована свобода вероисповедания, несмотря на протесты лютеранской церкви. В обязанности этих первых инженеров вошла также подготовка инженеров из числа грамотных представителей финляндского населения. Однако со временем, в том числе под влиянием той реформы образования, на проведении которой настаивало Финляндское экономическое общество,

в стране начала формироваться национальная интеллигенция. Любопытно, что, как и в случае системы органов управления Великого княжества Финляндского, появление которой стало результатом цепи случайных событий, формирование финляндской интеллигенции также происходило под влиянием ряда случайных событий, из которых важнейшим стал пожар в Або в 1827 г.

Так, пожар сыграл важную роль в определении жизненного пути одной из важнейших для формирования финского национального самосознания фигур — Элиаса Лённрута. В 1827 г. он окончил обучение в Або академии и получил степень кандидата философии, однако не смог продолжить учебу из-за пожара, уничтожившего те здания, в которых он мог бы это делать. В итоге Элиас отправился в свою первую экспедицию, где записал первые руны (стихи), вошедшие в первое издание «Калевалы», увидевшее свет в 1835 г. Свое обучение Лённрут смог продолжить лишь после возвращения из экспедиции в Императорском Александровском университете, где он решил специализироваться на медицине. Эпидемия холеры 1831 г., за неспособность быстро принять меры против которой лишился постов министра внутренних дел и генерал-губернатора Великого княжества Финляндского граф Закревский, затронула и Финляндию. Формально еще не завершивший обучения на врача Лённрут активно участвовал в борьбе с холерой, и за эти усилия император пожаловал его кольцом с бриллиантом, которое он использовал в 1849 г. в качестве обручального кольца, сочетавшись браком с Марией Пипониус. На следующий год Лённрут официально получил диплом врача и вплоть до 1844 г. сочетал работу врача в северном финском городе Каяни с экспедициями по провинциям Великого княжества Финляндского, по северным губерниям России; а также в Эстляндскую губернию. В одну из таких экспедиций он отправился совместно с филологом Маттиасом Кастреном, установившим «родство» финского языка с другими финно-угорскими и уральскими языками. Позднее Лённрут сменил Кастрена на должности профессора финского языка и литературы Императорского Александровского университета после смерти последнего в 1852 г. В это время результаты его этнографических исследований становятся известными за пределами Финляндии и даже Российской империи, — в частности, его избирают почетным академиком Берлинской королевской и Венгерской академий наук. Однако почетным членом Российской императорской академии наук он становится лишь почти четверть века спустя — в 1876 г.

Публикация «Калевалы» в 1835 г. сыграла важную роль в национальном пробуждении финляндской интеллигенции дважды на протяжении

XIX в. Образование Великого княжества Финляндского, пусть и в составе Российской империи, в конце первого десятилетия XIX в. заставило многих образованных людей в Финляндии задуматься о судьбах своей страны. Однако изгнание инакомыслящих, в первую очередь Арвидссона, пожар в Або и переезд столицы в Гельсинфорс, а также реакционная деятельность генерал-губернатора Закревского в первые годы николаевской эпохи в Российской империи, когда внутренняя политика была во многом обусловлена воспоминаниями о восстании декабристов, привели к застою в интеллектуальной жизни страны. Публикация «Калевалы» вновь заставила нарождающуюся финляндскую интеллигенцию активизироваться. В частности, как будет показано ниже, именно благодаря этому событию Кастрен посвятил жизнь сравнительным филологическим исследованиям, на основе результатов которых сформировался один из важнейших элементов финского национального самосознания.

В 1860-х гг. финляндская интеллигенция активно участвовала в реализации реформ Александра II, которые затронули не только основную часть Российской империи, но и Великое княжество Финляндское. Однако в годы правления Николая II в России, когда в Финляндии проводилась политика русификации, появилась опасность, что роль финляндской интеллигенции в жизни страны вновь снизится. Этого не произошло во многом благодаря тому, что финляндские деятели искусства вновь обратились к «Калевале», в которой они нашли источник вдохновения. В качестве примера в данном контексте нельзя не назвать работу финского композитора Яна Сибелиуса, написавшего оперу по мотивам «Калевалы». В конечном счете именно благодаря роли финляндской интеллигенции, которую она играла на различных этапах жизни страны, стало возможно провозглашение и сохранение независимости Финляндии после революции в России 1917 г. [Wilson 2006, p. 144].

В период обучения в Або академии Лённрут познакомился с изучавшим классическую литературу Йоханом Людвигом Рунебергом, впоследствии прославившимся как великий финский поэт. Первые шаги Лённрута и Рунеберга в Академии пришлось на год, когда из нее за публикации, критически оценивавшие положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, был изгнан Арвидссон. Опыт с изгнанием Арвидссона стал одной из причин, почему в последующие годы Лённрут вообще избегал в разговорах касаться вопросов политики, в то время как Рунеберг часто выступал с проправительственных позиций. После пожара в Або в 1827 г. и создания Императорского Александровского университета Рунеберг переезжает в Гельсинфорс,

где работает в университете, вместе со своими коллегами по университету создает школу нового типа — Гельсинфорский лицей, редактирует собственную газету «Гельсинфорс Морганблад», а также создает Финское литературное общество. И конечно, пишет стихи.

Его академическая карьера вместе с тем не была вполне успешной, поэтому в 1837 г. он переезжает в Борго, где получает должность преподавателя классической литературы в той самой гимназии, которую когда-то окончил Арвидссон. Здесь он вновь пишет стихи и редактирует собственную газету, которая называется «Борго Тиднинг», а также поддерживает связи с представителями русской интеллигенции в Санкт-Петербурге. Тесное сотрудничество между финляндской и петербургской интеллигенцией началось в 1840-х гг. во многом благодаря деятельности Якова Карловича Грота, выпускника Царскосельского лицея и одного из авторов, сотрудничавших с «Современником», начавшим выходить в Санкт-Петербурге в 1836 г. В 1840 г. Грот был назначен чиновником по особым поручениям при статс-секретаре по делам Финляндии Ребиндере.

Официальной задачей, поставленной перед Гротом, была инспекция того, как преподается русский язык в финских школах. Однако в 1841 г., когда инспекция была закончена, Грот не возвращается в Санкт-Петербург, но получает должность профессора русской словесности и истории в Императорском Александровском университете. В Гельсинфорсе и в поездках по Финляндии он проведет более десяти лет. У него завяжутся самые тесные отношения с представителями финляндской интеллигенции, а после его избрания в члены-корреспонденты Императорской Академии наук и возвращения в Санкт-Петербург в начале 1850-х гг. он станет одним из тех деятелей русской культуры, которые познакомят русскую интеллигенцию с представителями финляндской интеллигенции и с финской культурой. Именно благодаря Гроту стихи Рунеберга, который писал по-шведски [Claesson-Pipping & Olsson 2010, p. 199], из-за чего его стихи получили известность в Швеции, станут известны и в России. Более того, теплый прием, который Рунеберг получит в Санкт-Петербурге, вдохновит его на цикл стихов, в которых он воспевает особенности русской жизни.

В отличие от Рунеберга, на протяжении всей жизни придерживавшегося проправительственных политических взглядов, другой яркий представитель финляндской интеллигенции Йохан Вильгельм Снелльман занимал более критическую позицию по отношению к положению Великого княжества Финляндского в составе Российской империи

в николаевский период. Учившийся в Або академии в одно время с Лённрутом и Рунебергом и продолживший обучение в Императорском Александровском университете после пожара в Або, Снелльман в начале 1830-х гг. придерживался проправительственных взглядов и одно время после завершения обучения в университете преподавал в Гельсингфорской гимназии. Однако в 1836 г. он оставляет работу в гимназии и становится одним из организаторов университетского движения, причем в своих публичных выступлениях и печатных работах, из которых часть была опубликована в Швеции, Снелльман активно пропагандирует идею университетской свободы. А в 1839 г. он и вовсе уезжает в Стокгольм, откуда отправляется в путешествие по германским государствам и Австро-Венгрии.

Там он знакомится с идеями лидеров венгерского и чешского национальных движений; впоследствии Снелльман пытается использовать эти идеи для продвижения финского национального движения. В Финляндию он возвращается лишь в 1842 г., и в том же году в Стокгольме выходит его наиболее значимая философская работа — «Теория государства», в которой он обсуждает вопрос взаимоотношений личности с семьей, обществом, нацией и государством [Thaden 1984, p. 216]. Не найдя применения своим талантам в Гельсингфорсе, Снелльман принимает пост ректора средней школы в Куопио, где начинает, помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, также издавать газету «Сайма», в которой критически отзывается о положении в Великом княжестве Финляндском. По поводу публикаций в «Сайма» генерал-губернатор Меншиков приказывал писать Снелльману, что последнему следовало бы обращаться с предложениями по улучшению жизни в Великом княжестве Финляндском непосредственно к властям, вместо того чтобы разжигать своими публикациями общественное недовольство.

В 1846 г. власти и вовсе запретили издание газеты «Сайма», хотя и не запретили Снелльману публиковаться в других периодических изданиях Финляндии. Так, он фактически редактировал издававшееся в Гельсингфорсе литературное обозрение «Литературблад», хотя формально редактором числился Лённрут, чья будущая супруга Мария Пипониус приходилась Снелльману двоюродной сестрой. А в 1849 г. было также отклонено и ходатайство Снелльмана о предоставлении ему должности профессора философии в Императорском Александровском университете. Лишь в 1856 г., после смерти Николая I и отставки генерал-губернатора Меншикова, университет предоставил Снелльману желанную профессию. Примерно в это же время произошла трансформация взглядов

Снелльмана в сторону более благоприятных по отношению к правительству, впоследствии он активно поддержал реформы Александра II в Великом княжестве Финляндском и способствовал их претворению в жизнь, занимая различные должности государственной службы.

Важным фактором формирования национализма являются представления о существовании у данной нации «родственных» наций вдали от территории компактного проживания ее основной части. Например, среди русских националистов широко распространены представления о «братских» русском и сербском народах. В свою очередь, в самой Сербии «даже наиболее проевропейские и проамериканские сербы чувствуют, что они всегда будут восприниматься [на Западе] в качестве “младших братьев русских” благодаря общему этническому и религиозному наследию двух стран» [Vuksanovic 2018]. Часто представления о том, что два народа являются «родственными», возникают о тех народах, которые говорят на языках, относимых к одной языковой семье или группе. Защита народов, являющихся носителями славянских языков и которые находились под властью Османской или Австро-Венгерской империй, официально являлась одним из направлений внешней политики Российской империи в XIX в., хотя в самой Российской империи положение некоторых славянских народов — например, польского — являлось незавидным.

Сегодня большинство филологов сходятся во мнении, что финский язык принадлежит к финно-угорской языковой группе, которая, в свою очередь, является ветвью уральской языковой семьи. Во многом этот вывод основывается на исследованиях финляндских ученых, ставших в первой половине XIX в. первопроходцами в исследовании языков уральских народов России: Адreasа Юхана (Андрея Михайловича) Шёгрена и его ученика Матиаса Александра Кастрена. Шёгрэн, сын сапожника, как и Арвидссон, учился в гимназии в Борго, а впоследствии поступил в Або академию, которую и окончил в 1819 г. В 1821 г. он переехал в Санкт-Петербург, где граф Николай Румянцев, министр иностранных дел Российской империи в годы Наполеоновских войн, предоставил ему место библиотекаря в своей личной библиотеке. До конца жизни он так и не вернулся в Финляндию, благодаря чему более известен специалистам по истории России, нежели по истории Финляндии, в качестве академика Андрея Михайловича Шёгрена.

За исключением венгров, проживавших в XIX в. в основном в Австро-Венгерской империи, большинство народов, представители которых говорят на финно-угорских и уральских языках, начиная

с наиболее близких к финнам по языку эстонцев и карелов и заканчивая хантами и манси Западной Сибири, компактно проживали в XIX в. на территории Российской империи. Соответственно, Шёгрэн, а позднее Кастрен изучали «родственные» финскому языки в период своих длительных экспедиций по окраинам Российской империи. Причем в первой половине XIX в. филологи не имели представления о том, какие именно языки входят в финно-угорскую языковую группу или в уральскую языковую семью; соответственно, Шёгрэну и Кастрену пришлось в своих экспедициях изучить множество языков, из которых некоторые оказались «родственными» финскому, а некоторые — нет.

Так, по итогам своей экспедиции на Кавказ в 1835 г. Шёгрэн составил грамматику осетинского языка и первые русско-осетинский и осетинско-русский словари. За это в советский период его именем была названа одна из улиц столицы Северной Осетии — Владикавказа, а в постсоветский период его «Североосетинские исследования» были переизданы в Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова [Шёгрэн 1998].

В свою очередь, Кастрен, который был моложе Шёгрэна на два десятка лет, сын священника, окончил школу в Оулу и в 1830 г. поступил в Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе, где в то время преподавание велось главным образом на шведском, немецком и латинском языках, однако с самого момента его создания в 1828 г. (после пожара в Або, уничтожившего большую часть зданий Або академии) существовала должность преподавателя финского языка. В университете он изучал восточные языки и философию — наиболее необходимые предметы для молодого человека, который собирался пойти по стопам отца и стать священником. Однако публикация в 1835 г. «Калевалы» Элиаса Лённрута без преувеличения перевернула его жизнь.

Вместо того чтобы вернуться в Северную Финляндию, получить должность помощника священника, а со временем — возглавить какой-нибудь приход, Кастрен в 1838 г. отправляется в свою первую экспедицию в родную Лапландию, а в 1841 г. благодаря помощи Шёгрэна, который в то время занимал в Санкт-Петербургской императорской академии наук должность экстраординарного академика по русской истории и древностям, поехал в свою первую экспедицию на российский север — в Архангельск, где он изучал ненецкий язык. В дальнейшем Кастрен возглавлял несколько экспедиций как в европейской части России, так и за Уралом, в которых он изучал как языки, впоследствии отнесенные филологами к уральской языковой семье, — от коми и марийского до хантый-

ского и мансийского, так и языки, относящиеся к другим языковым семьям, включая хакасский, бурятский, эвенкийский и коттский [Porotova 2004]. В периоды между экспедициями он подготовил и в 1841 г. издал первый перевод «Калевалы» на шведский язык, за что Императорский Александровский университет предоставил ему должность доцента.

В 1850 г. Кастрен защитил докторскую диссертацию, в которой настаивал на родстве не только всех языков уральской языковой семьи, но и на их родстве с тюркскими, монгольскими и тунгусскими языками, что не нашло подтверждения в более поздних исследованиях. Благодаря Кастрену в 1851 г. в Императорском Александровском университете была создана должность профессора финского языка и литературы, которую Кастрен и занял. На следующий год он умер, однако его научная и просветительская работа, включая прочитанную им в 1849 г. публичную лекцию «Где находится колыбель финского народа?», сыграла значимую роль в формировании представлений о «родстве» финского народа с другими народами, чьи представители говорят на финно-угорских и уральских языках, а в более широком смысле — в формировании финского национального самосознания в целом. И сегодня представления о «родстве» финно-угорских народов играют важную роль не только в представлениях финнов, но и в представлениях эстонцев и венгров, а также финно-угорских народов России.

После распада СССР в 1992 г. в Сыктывкаре был проведен первый Всемирный финно-угорский конгресс, который с тех пор проводится раз в четыре года. На открытии конгресса в Ханты-Мансийске в 2008 г. присутствовали президенты всех четырех стран, где компактно проживают представители финно-угорских народов: Венгрии, России, Финляндии и Эстонии [Януш 2011]. В 2016 г. конгресс проходил на территории Финляндии, на его открытии присутствовали президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии, однако российский президент не посетил конгресс из-за опасений столкнуться с еще более жесткой риторикой со стороны эстонского президента Тоомаса Ильвеса, чем это было на конгрессе в Ханты-Мансийске за восемь лет до этого. Не приходится ожидать, что в 2020 г. российский президент посетит открытие очередного финно-угорского конгресса, когда Эстония будет выступать в роли принимающей стороны. Однако в 2024 г. Россия будет вновь принимать у себя Всемирный финно-угорский конгресс, и можно ожидать, что к тому времени отношение российской власти к этому мероприятию вновь изменится.

Возвращаясь в XIX в., представляется крайне любопытным, что финляндская интеллигенция критически восприняла распространение

среди финского крестьянства и части интеллигенции пиетизма, которое пришлось на этот же исторический период. Пиетизм, религиозное течение, зародившееся среди германских лютеран в XVII в. и характеризующееся наделением личного благочестия верующих особым значением, распространилось в XVIII в. по значительной части Европы, главным образом в Германских государствах, Австро-Венгрии и Швейцарии, а также Скандинавии. В XIX в. оно проникло из Швеции на территорию Великого княжества Финляндского, а из Германии через немецкие общины России — в основную часть Российской империи. Первые пиетисты появились в Финляндии еще в XVIII в.; в частности, известно о преследованиях за богохульство, которым подверглась финляндская пиетистка Катарина Асплунд в первой половине столетия.

Несмотря на то что период с подписания Ништадтского мирного договора в 1721 г. и вплоть до государственного переворота Густава III в 1772 г. вошел в историю Швеции как «эра свобод», когда власть риксдага существенно ограничивала власть короля, на окраинах королевства продолжалось преследование представителей религиозных меньшинств за богохульство. Часто обвинения в богохульстве предъявляли местным активистам, выступавшим против центральной власти, поскольку обвинения в сепаратизме еще не существовало. Такая ситуация была характерна для всех протестантских европейских государств: если в Англии в период с 1300 по 1850 г. зафиксировано 1200 процессов по обвинениям в колдовстве, богохульстве и т. п., то в Шотландии в указанный период их прошло вдвое больше, хотя население Шотландии было меньше английского в пять раз. В Дании в этот период насчитывалось всего 90 таких процессов, а в находившейся под властью Дании Норвегии — 863, хотя население Норвегии было меньше датского, пусть и не в разы.

Аналогично и в самой Швеции прошло 353 таких процесса, а в Финляндии — вдвое больше, хотя население Финляндии было впятеро меньше шведского [Leeson & Russ 2018]. Одной из жертв таких процессов стала и Катарина Асплунд. Можно предположить, что проводимые под видом процессов по обвинениям в колдовстве и богохульстве репрессии, которые не затронули основную часть Шведского королевства, но имели место в финляндских губерниях, в том числе в «эру свобод», стали еще одним фактором, сделавшим российское самодержавие привлекательным в глазах финляндских помещиков в конце XVIII — начале XIX в., поскольку в православной России процессов по обвинению в колдовстве и богохульстве проходило в разы меньше, чем в католической и протестантской.

стантской Европе, несмотря даже и на раскол Русской церкви, прошедший в середине XVII в. и сопровождавшийся многочисленными человеческими жертвами и переселением значительного числа людей.

Пиетистское движение, зародившееся в среде священнослужителей и буржуазии, впоследствии стало массовым, причем эта тенденция была характерна не только для Финляндии, но и для прочих окраин Северной Европы — например, для Норвегии [Stensvold 2018, p. 28]. Пиетизм распространился в том числе среди крестьянства. В первой половине XIX в. известность приобрел лидер пиетистов Восточной Финляндии Пааво Руотсалайнен, происходивший из крестьян. В первом десятилетии XIX в. он проповедовал в провинции Саво, входившей до Фридрихсгамского мира в состав Шведского королевства, однако с вхождением Финляндии в состав Российской империи он распространил свое влияние южнее, на территорию бывшей Выборгской губернии, включенной в состав Великого княжества Финляндского, а также установил контакты с пиетистами Западной Финляндии, где это религиозное течение было особенно сильно еще со времен Катарины Асплунд. Важным элементом идеологии пиетистского движения являлась вера в священнослужение всех людей, а не только официально облеченных в сан священников.

Последователи движения активно практиковали религиозные собрания и службы на дому, что не могло не вызвать критики со стороны финляндской лютеранской церкви. При этом часть финляндского духовенства, главным образом из финляндских провинций, расположенных на побережье Ботнического залива, географически наиболее близких к Швеции, откуда пиетизм и проник в Финляндию, также присоединилась к пиетистскому движению. Хотя среди участников пиетистского движения были и представители интеллигенции (например, поэт Ларс Якоб Стенбек), большинство представителей финляндской интеллигенции, тесно связанной с лютеранским духовенством, отнеслись к распространению этого верования среди финнов в целом и крестьян в частности резко отрицательно. Пиетизм критиковали Лённрут и Рунеберг, Снелльман высказывался по поводу пиетизма более мягко, но и по его мнению принадлежность к пиетистам не должна была совмещаться с принадлежностью к интеллигенции.

Можно предположить, что отрицательное отношение Лённрута к пиетизму сформировалось, в частности, благодаря тому, что он, являясь врачом, активно занимался пропагандой трезвости среди крестьян, в то время как лидер пиетистов Руотсалайнен отличался склонностью к употреблению алкоголя. Под давлением духовенства и интеллигенции

официальные власти Великого княжества Финляндского подвергали лидеров пиетистского движения преследованиям; в частности, Руотсалайнен за проведение незаконных религиозных собраний был приговорен к уплате крупного для крестьянина штрафа. С одной стороны, в Великом княжестве Финляндском в составе Российской империи была официально установлена свобода вероисповедания; соответственно, Руотсалайнен не мог быть осужден по законам, введенным после 1809 г. С другой стороны, на территории Великого княжества Финляндского продолжали частично действовать законы, введенные еще во времена шведского владычества, и именно по одному из таких законов на Руотсалайнена и был наложен штраф. После смерти Руотсалайнена в 1851 г. популярность пиетизма в Финляндии постепенно сошла на нет.

В основной части Российской империи пиетизм был распространен главным образом среди немецких общин, и до середины XIX в. официальные власти не придавали ему большого значения. Однако в 1850-х гг. из пиетистских общин вышло штундистское движение, распространившееся уже среди славянского населения Южной России и на территории современной Украины. По мере роста популярности штундистского движения Русская православная церковь начала видеть в нем угрозу для своего влияния, под давлением церкви штундисты в России подвергались преследованиям. Особенно активно участники штундистского движения преследовались в конце XIX — начале XX в., в годы, когда должность обер-прокурора Священного синода занимал Константин Победоносцев. Как и финляндская интеллигенция при обсуждении вопроса о пиетизме, часть русской интеллигенции солидаризовалась в данном вопросе с церковью; в частности, критические замечания о штунде содержатся в «Дневнике писателя» Федора Достоевского. Позднее штундистские общины вошли в состав баптистского движения в России.

Заключение

На протяжении почти всего XIX в. Финляндия входила в Российскую империю. События, имевшие место в основной части России и в российской внешней политике, не могли не влиять на то, что происходило в Финляндии. В свою очередь, представители Финляндии, находившиеся на службе российской короны, их опыт, приобретенный в родной стране, не могли не влиять на события, происходившие в России. Опыт модернизации Финляндии имеет важное значение для переосмысления

путей модернизации России, в том числе для развенчивания некоторых мифов о характере российской модернизации. В частности, переход Финляндии из-под власти шведской короны под власть Российской империи позволяет критически оценить предположение о якобы существующих «цивилизационных» особенностях России [Заостровцев 2018], которые делают российскую модернизацию невозможной. Не исключено, что особенности развития России в XX — начале XXI в. дают основания для подобных предположений, но события XVIII — начала XIX в., рассмотренные в данном докладе, опровергают это предположение.

Россия в указанный период была одной из европейских держав, не отличаясь принципиально от большинства из них, хотя она и отставала от той же Великобритании по темпам модернизации. Однако финляндские помещики, присягнувшие в 1809 г. императору Александру I и одобившие в том же году заключение Фридрихсгамского мирного договора между Россией и Швецией, по которому Финляндия переходила из-под власти шведской короны во власть российских императоров, сравнивали Россию не с Великобританией, но со Швецией. И в глазах большинства из них сравнение было не в пользу Швеции. Причем нельзя было сказать, что финляндские помещики не знали России вовсе или были ослеплены блеском петербургского двора. Спренгтпортен путешествовал по России задолго до своего перехода в российское подданство, причем маршрут его путешествия включал не только столичный Санкт-Петербург, но и незадолго до этого окончательно поделенную между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией Польшу.

И опыт Польши не отвратил Спренгтпортена от мыслей о том, что под властью российской короны его родной Финляндии может быть лучше, чем под властью Швеции, хотя и способствовал уточнению взглядов о том, как следует и как не следует организовать государственное устройство Финляндии под властью России. При этом нельзя сказать, что Спренгтпортен был сторонником централизованной имперской власти, поскольку он одновременно симпатизировал борьбе североамериканских колоний Великобритании за независимость.

Аналогично Армфельт в период, когда его оппозиционная деятельность в Швеции препятствовала его возвращению в Стокгольм, на протяжении нескольких лет жил в России, причем опять-таки не в Санкт-Петербурге, а в Калуге. И несмотря на этот опыт (а может быть, благодаря ему), Спренгтпортен и Армфельт стали главными сторонниками перехода Финляндии под власть России. И после того, как этот переход осуществился, они же помогли сформировать те органы управления

Великого княжества Финляндского, которые способствовали в первой половине XIX в. финляндской модернизации.

Период существования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в финляндской историографии получил название «времени автономии». Вместе с тем автономия не означала изоляции. И в первую очередь — от России. Финн Этолен работал на Русско-американскую компанию и одно время даже занимал должность губернатора русской Аляски. Шотландский промышленник Финлейсон, когда местные власти в Финляндии не могли обеспечить ему условий, необходимых для открытия мануфактуры, обращался за помощью к российским властям в Санкт-Петербурге и получал эту помощь. Российский литературный критик Грот ввел финского поэта Рунеберга в петербургское общество. А работавший в Санкт-Петербурге лингвист Шёгрэн, также происходивший из Финляндии, активно помогал финляндскому лингвисту Кастрену устанавливать связи между финским языком и «родственными» финно-угорскими и уральскими языками народов, проживающих в основной части России.

При этом Великое княжество Финляндское, как и Российская империя в целом, не находилось в изоляции и от основной части Европы. Тот же Рунеберг, писавший стихи на шведском языке, стал известен в Стокгольме раньше, чем в Санкт-Петербурге. И уж конечно, в случае возникновения конфликта с властями, причем не обязательно в России, но и в самом Великом княжестве Финляндском, финляндские деятели искали убежища за рубежом, в первую очередь, в Швеции. Именно в Швеции нашел пристанище Арвидссон после увольнения из Або академии, именно в Стокгольм отправился Снелльман, когда у него возник конфликт с генерал-губернатором Меншиковым из-за публикаций в издаваемой им газете, и именно в Стокгольме были изданы те труды Снелльмана, которые из-за цензуры не могли быть опубликованы в России. Распространившееся по Восточной Финляндии в первой половине XIX в. пиетистское движение также пришло в Финляндию из Швеции.

Великое княжество Финляндское образовалось в результате Наполеоновских войн в Европе. В период Наполеоновских войн Российская империя подчас находилась в союзе с наполеоновской Францией, и тогда она начинала войну против Швеции с целью склонить последнюю присоединиться к континентальной блокаде Великобритании, в результате чего и была завоевана Финляндия. Подчас Россия находилась в конфликте с наполеоновской Францией, и тогда финляндскому генерал-губернатору Штейнгелю приходилось оставлять свой пост на попечение Арм-

фелта и отправляться в действующую армию. Но Россия не находилась в изоляции ни от Франции, ни от остальной Европы ни в годы Наполеоновских войн, ни после их окончания, на протяжении всей первой половины XIX в. Вместе с Россией в первой половине XIX в. не находилась в изоляции и Финляндия. И финляндская модернизация в этот период проходила не в изоляции, но в окружении. И это окружение являлось важнейшим фактором как успехов финляндской модернизации, так и ее неудач.

Литература

Баландин С. Б. Присоединение Финляндии к Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1(22). С. 22–30.

Заостровцев А. П. Парадигма модернизации: как ее понимать? / Препринт М-68/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Ордин К. Ф. Покорение Финляндии: опыт описания по неизданным источникам. В 2-х томах. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1889.

Сапожников А. И. Российский генерал «голландской нации»: Граф П. К. Сухтелен // Клио. 2000. № 3(12). С. 195–203.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.): становление автономии. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2013.

Травин Д. Я. Англия: история успеха (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 1) / Препринт М-67/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Шёгрэн А. М. Осетинские исследования. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 1998.

Юссиля О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М.: Весь мир, 1998.

Януш О. Б. Трансграничные языковые сообщества как политические проекты (на примере русского и финно-угорского миров) // Политическая наука. 2011. № 1. С. 219–229.

Åkerström M. Betrayal and Betrayers: The Sociology of Treachery. London: Transaction Publishers, 1991.

Carlsson S. C. O. Swedes in North America, 1638–1988: Technical, Cultural, and Political Achievements. Stockholm: Streiffert, 1988.

Claesson-Pipping G., Olsson T. Selma Lagerlöf and Swedish-Finnish Festivals of Belonging // Bordering the Baltic: Scandinavian Boundary-Drawing Process, 1900–2000 / ed. by M. Hurd. Münster: Lit Verlag, 2010. P. 195–220.

- Junnila O.* Adolf Ivar Arwidsson. Vaasa: KY (Historian aitta 19), 1979.
- Kirby D.* A Concise History of Finland. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Laine K.* Suomen talousseura pellavanjalostuksen elvyttäjänä 1797–1861. Helsinki: Suomen maataloustieteellinen seura, 1943.
- Lavery J. E.* The History of Finland. Westport: Greenwood, 2006.
- Leeson P. T., Russ J. W.* Witch Trials // Economic Journal. 2018. Vol. 128. No. 613. P. 2066–2105.
- Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. London: Free Press, 1958.
- Marjanen J.* Between “Public” and “Private Economy”: The Finnish Economic Society and the Decline of Economic Patriotism, 1797–1833 // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century: Patriotic Reform in Europe and North America / ed. by K. Stapelbroek, J. Marjanen. New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 313–338.
- Odelberg W., Olsson N. W., Varg P. A.* Two Swedes under the Union Jack: A Manuscript Journal from the American War of Independence by Hans Frederick Wachtmeister and Frederick Herman von Walden // Swedish Pioneer Historical Quarterly. 1956. Vol. 7. P. 83–120.
- Palo M., Lehto E.* Private or Socialistic Forestry? Forest Transition in Finland vs. Deforestation in the Tropics. London: Springer, 2012.
- Porotova T. I.* Patterns of Plural Formation in Kott Nouns and Adjectives // Languages and Prehistory of Central Siberia / ed. by E. J. Vajda. Amsterdam: John Benjamin’s Publishing Company, 2004. P. 129–134.
- Ramel S.* Kustaa Mauri Armfelt, 1757–1814. Helsinki: Otava, 2005.
- Selleck R. G.* Quaker Pioneers in Finnish Economic Development: James Finlayson and the Wheeler Family // Quaker History. 1962. Vol. 51. No. 1. P. 32–42.
- Stensvold A.* Paving the Way for Penteconstalism: A Historical Exploration of Post-Reformation Revivals in Norway // Charismatic Christianity, in Finland, Norway and Sweden: Case Studies in Historical and Contemporary Developments / ed. by J. Moberg, J. Skjoldli. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 25–48.
- Thaden E. C.* Russia’s Western Borderlands, 1710–1870. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Vinkovetsky I.* Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Vuksanovic V.* Serbs Are Not “Little Russians” // The American Interest. 2018. July 26. URL: <https://www.the-american-interest.com/2018/07/26/serbs-are-not-little-russians/> (accessed on January 11, 2019).
- Wilson W. A.* The Marrow of Human Experience: Essays on Folklore; with contributions by J. T. Rudy et al. Logan: Utah State University Press, 2006.

Дмитрий Ланко

**Модернизация в окружении: случай Финляндии.
Часть I: первая половина XIX в.**

Препринт М-69/19

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 18.01.19.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Травин Д. **«ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ»: ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО КОНЧАЛОВСКОГО**. СПб.:
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.